

UNITED WISDOM

Благодать и свобода: история трудного отношения

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-24-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Благодать и свобода: история трудного отношения

> *«В человеке есть свободный выбор воли».*

Августин, «О благодати и свободном произволении», глава 2, английский перевод NPNF. Русский перевод цитат в статье — авторов с указанного английского текста.

О чём эта статья

Человек благодарит за помощь и всё же говорит: «Это сделал я». Обе фразы могут быть верными. Но если помощь относится к самой способности желать добра, вопрос труднее: кому принадлежит решение, возможность которого уже была подарена? Христианские споры о благодати и свободе касаются спасения, ответственности и надежды, а не только отвлечённой загадки о причинах.

Благодать здесь — божественный дар и действие; свобода может означать отсутствие принуждения, способность выбирать или освобождение для добра. Рассмотрим выборочную историю: Августин, Фома Аквинский, православная синергия, лютеранская и реформатская позиции, уэслианский ответ. Их различия не исчезают от общего призыва «верить и стараться». Важны начало обращения, человеческий ответ и место добрых дел. Сравнение со стоицизмом, карма-йогой и буддийскими задачами пути прояснит вопросы, сохраняя разные религиозные цели. Современное применение связано с принятием помощи и ответственностью за поступок. Оно не измеряет благодать успехом, настроением или количеством усилий и не превращает спасение в психологическую технику.

I. В одном споре скрываются разные вопросы

Когда спрашивают, свободен ли человек, полезно уточнить предмет. Может ли он принять бытовое решение? Может ли самостоятельно начать движение к спасению? Может ли не грешить? Может ли противиться божественному действию? Может ли быть ответственным за поступок, если Бог знает его заранее? Это связанные, но неодинаковые вопросы.

Благодать также нельзя определить одним ощущением. В католическом катехизисе она описывается как незаслуженная помощь и участие в божественной жизни; подготовка к её принятию уже относится к её действию. Там же различается свободная инициатива Бога и свободный ответ человека. Катехизис, §§1996–2005.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Современная интуиция часто представляет свободу как полную независимость от причины. Если моё желание связано с воспитанием, доводом или помощью, кажется, что оно уже не вполне моё. Но зависимость и принуждение не тождественны. Умение читать зависит от обучения, однако читатель не становится марионеткой преподавателя при каждом новом чтении.

Эта аналогия помогает увидеть проблему, но не решает богословский спор. Божественная благодать в христианстве не является просто видом социального обучения. Вопрос касается отношения Творца и творения, греха и спасения. Тем не менее начальное различение позволяет не считать заранее, что всякая помощь обязательно уменьшает свободу.

Есть и противоположная интуиция: если дар настоящий, он должен сделать усилие ненужным. Тогда любое требование действия выглядит попыткой заработать подарок. Но между причиной дара и следствием его принятия есть разница. Помощь может быть незаслуженной и всё же открывать новую ответственность.

Чтобы читать историю спора, нужно удерживать обе опасности: превратить спасение в оплату за достижения или превратить дар в оправдание бездействия. Разные школы предлагают разные способы их избежать. Их нельзя оценить справедливо, если сначала свести каждую к одной из этих крайностей.

II. Августин: воля реальна, но не самодостаточна

В трактате «О благодати и свободном произволении» Августин защищает человеческую волю и необходимость благодати одновременно. Заповеди предполагают ответственное действие, но сами по себе не делают человека способным спастись без божественной помощи. Вера и добрые дела не дают основания считать человека независимым источником собственного спасения. Главы 2–6, 17–20.

Поэтому неудовлетворительны два популярных пересказа. Первый: Августин отменил волю и оставил лишь божественное управление. Второй: он просто советовал немного помочь себе с Божьей поддержкой. Оба пересказа уменьшают проблему. Для него глубина зависимости радикальнее обычной поддержки, но человеческое действие не становится фикцией.

Особенно существенна мысль о начале доброго желания. Можно признать, что для успешного поступка нужна помощь, и всё же оставить первый благой импульс полностью человеку: сначала я правильно захотел, затем Бог помог. Августин ставит под вопрос и такое распределение. Тем самым спор переносится от добавочной силы к самому источнику обращения.

Из этого возникают трудные вопросы, которые не следует закрывать одним утешительным выводом. Почему благодатное действие принимается одним и не принимается другим? Как описывать предопределение и сохранение ответственности? Августиновская мысль развивалась в разных полемических обстоятельствах; один поздний трактат не представляет всю её историю и все последующие ответы.

Для сегодняшнего читателя важно не переносить его язык в приговор отдельному человеку. Неспособность справиться с задачей не доказывает отсутствие благодати. Сильная вина не доказывает святость. Богословское рассуждение о грехе и воле не позволяет диагностировать чужую усталость или объявить её нравственным отказом.

Серьёзность Августина состоит в отказе от простого самоспасения. Человек может нуждаться не только в информации, но и в изменении способности хотеть и любить. Однако из этого не получается универсальная психологическая теория поведения. Религиозный предмет остаётся религиозным даже там, где читатель узнаёт знакомую человеческую трудность.

III. Фома: различать виды добра и виды помощи

Фома Аквинский не считает, что без освящающей благодати человек вообще не способен выполнить ни одного хорошего человеческого дела. В вопросе о необходимости благодати он различает благо, соразмерное природе, и сверхъестественное назначение человека; природные возможности после грехопадения повреждены, но не уничтожены полностью. Подготовка к принятию благодати также требует божественного движения. «Сумма теологии», I–II, q.109, a.2 и a.6.

Это различение препятствует грубому выводу, что неверующий человек не может строить дом, заботиться о другом или делать что-либо доброе. Вопрос Фомы гораздо конкретнее: достаточно ли естественных сил для всего нравственного добра и для цели, превосходящей природу? Описать обычную доброту и обосновать самостоятельное спасение — не один шаг.

Здесь слово «природное» не следует понимать как «малозначительное». Представим условный разговор о человеке, который помог соседу получить необходимую еду. Один участник признаёт пользу, но сразу обесценивает её: поступок не доказывает самостоятельного спасения. Другой, напротив, считает помощь достаточным опровержением всякой необходимости благодати. Оба сделали лишний переход. Значение поступка для нуждающегося и достаточность естественных сил для сверхъестественной цели — разные предметы оценки. Отрицательный ответ на второй вопрос не отменяет положительного ответа на первый.

Различение также не позволяет считать всякую помощь одним взаимозаменяемым ресурсом. Совету, обучению и дополнительному времени можно приписать конкретную задачу: они изменяют условия выполнения определённого дела. Благодать в рассматриваемом богословском вопросе относится к спасительной цели и отношению человека к Богу. Поэтому пример успешного обучения способен прояснить, почему зависимость не обязательно означает принуждение, но не способен сам установить достаточность или ненужность благодати. Эта граница оставляет человеческой помощи её значение, не поручая ей доказать весь богословский ответ.

Важна и структура причины. Божественное действие не обязательно изображается как конкурирующее с человеческим на одном уровне. Если Бог делает больше, не требуется автоматически заключать, что человек делает меньше. Это отличается от ситуации, где два работника делят одну конечную задачу на проценты. Подобная арифметика не подходит к заявленному отношению первичного источника и человеческого действия.

Но читатель может спросить, остаётся ли при таком объяснении реальная альтернатива и в каком смысле воля свободна. Это полноценный философский вопрос. Нельзя ответить на него лишь тем, что слово «свобода» уже присутствует в тексте. Нужны конкретные различения о причинах, желании и принуждении.

Здесь нельзя и превратить Фому в автора общего лозунга «благодать — пятьдесят процентов, усилие — остальные пятьдесят». Незаслуженная инициатива не становится половиной сделки. Если человек участвует, участие само рассматривается внутри зависимости от дарованной возможности.

Современное чтение может извлечь дисциплину разграничения. Неспособность самостоятельно достичь некоторой цели не равна полной неспособности к любому добру. Признание повреждения не равно обесцениванию всей природы. Эти различия полезны для осторожной речи о человеке, хотя содержание учения о сверхъестественной цели не сводится к современной оценке ресурсов и навыков.

IV. Православная синергия: участие в даре

Синергия означает соработничество. В православном богословском языке она описывает участие человека в божественном действии и его свободный ответ. Это не признание двух равных сил, которые совместно производят спасение как коммерческий результат.

В опубликованном Православной церковью в Америке размышлении Джона Брека синергия связана с жизнью в соответствии с даром спасения; аскетические действия не представлены оплатой, позволяющей купить спасение. При этом человеческий ответ и изменение жизни сохраняют значение. Salvation Is Indeed By Grace.

У синергии есть узнаваемая трудность: насколько реальным должен быть ответ, чтобы он не сделался заслугой, предваряющей дар? Здесь важно не решать спор заранее с помощью слова «сотрудничество». Оно обозначает направление мысли, но требует разработки. Разные православные авторы могут по-разному объяснять соотношение свободы, благодати и аскетического усилия.

Нельзя также приписывать православию полную противоположность Августину или отсутствие учения о благодати. Такое деление строит две удобные психологические культуры: якобы на Востоке человеку доверяют, а на Западе считают его бессильным. Реальные традиции содержат больше пересечений и разногласий. Сравнивать следует определённые положения, а не общие впечатления.

Если язык синергии используют в обычном разговоре, полезно следить, не превратился ли он в давление. Человек может участвовать в духовной дисциплине добровольно. Но чужая неудача не даёт основания сказать: «Ты просто недостаточно сотрудничал с Богом». Такое объяснение присваивает знание о внутренней жизни и может скрыть болезнь, отсутствие помощи или неподходящие условия.

В богословском смысле участие требует серьёзности ответа. В человеческом общении серьёзность требует также не определять этот ответ за другого. Уважение к свободе проявляется не только в теории, но и в способе обсуждать возможности человека: слышать отказ, уточнять условия, оставлять право на пересмотр. Это современное этическое следствие, а не исчерпывающий перевод православного учения.

V. Реформация: почему дела важны, но не покупают оправдание

Протестантское учение нельзя свести к фразе «ничего не делайте, просто верьте». В Аугсбургском исповедании оправдание описывается как дар через веру ради Христа, а новая жизнь должна приносить добрые плоды. Дела не становятся основанием, на котором человек предъявляет Богу право на оправдание. Аугсбургское исповедание, статьи IV–VI.

Оправдание и нравственное изменение связаны, но в споре важно, как именно. Если дела являются плодом, это не значит, что они не нужны. Если они не являются ценой, это не значит, что поведение человека не имеет последствий. Причина принятия и форма жизни принятого — разные вопросы.

Реформатская линия добавляет собственную разработку свободы и божественной инициативы. В Вестминстерском исповедании воля не описана как насильно принуждаемая; после падения человек не способен своими силами обратиться к

спасительному благу, а благодать освобождает его для свободного желания и действия. Глава IX.

Это не то же самое, что бытовой фатализм. Фраза «всё решено, поэтому любой поступок бессмыслен» не передаёт содержания документа. Вместе с тем различия с синергическими описаниями нельзя объявить только словесными. Вопрос о том, как происходит спасительное обращение и возможно ли сопротивление определённому действию благодати, остаётся настоящей развилкой.

Полезно различать лютеранскую и реформатскую традиции уже внутри протестантизма. Они не являются одним учением, распространившимся под разными названиями. Статья рассматривает ограниченную карту вопроса, поэтому не переносит конкретное исповедание на всех баптистов, англикан, пятидесятников или независимые общины.

Современный человек может узнать в споре привычный страх: если меня приняли без заслуги, исчезнет ли мотивация поступать лучше? Богословские ответы показывают другую возможность — действовать из принятия, а не ради его покупки. Но узнаваемость не доказывает, что религиозное оправдание равно психологическому безусловному одобрению. Христианский смысл включает Христа, грех и отношение к Богу; эти элементы нельзя незаметно исключить.

VI. Уэсли: предшествующая помощь и действительный ответ

Джон Уэсли предлагает важный пример внутреннего протестантского различия. В проповеди «О совершении собственного спасения» он говорит о предшествующей благодати: даже начало движения к Богу не возникает в полном отсутствии божественного дара. Божественное действие даёт возможность человеческого действия и не служит оправданием бездействия. Проповедь 85, II.1 и III.

Такой ответ не возвращает человека к самостоятельному спасению. Первенство дара сохранено. Но объяснение человеческого ответа отличается от строгих реформатских построений. Поэтому нельзя обозначать протестантизм как единый выбор против свободного участия. Уже одного уэслианского примера достаточно, чтобы простая схема перестала работать.

Уэсли обсуждает духовную жизнь в языке конкретных обязанностей и практик. Для него наличие дара связано с тем, что человек делает дальше. Современный читатель может почувствовать здесь одновременно поддержку и требование. Но нужно помнить историческую и религиозную среду проповеди: её призывы не являются готовой программой для любого человека в любом состоянии.

Важное различение — способность ответить и гарантия успешного ответа. Если человеку предоставлена возможность, это не означает, что он неизбежно её использует. Поэтому язык благодати не всегда ведёт к одному объяснению окончательного исхода. Различающиеся традиции по-разному обсуждают устойчивость, отпадение и уверенность; здесь не следует делать вид, что единый термин решил весь спор.

Условный современный пример: человеку дали доступную возможность исправить ошибку. Он может принять её, отказаться или отложить. В этой ситуации помощь и ответственность совместимы. Однако пример не доказывает уэслианское учение и не позволяет назвать любого помощника носителем божественной благодати. Он лишь делает понятной форму вопроса.

Внутреннее многообразие традиции помогает исследовать, что именно мы считаем свободой. Независимость от всякого дара? Возможность ответить? Отсутствие внешнего принуждения? Изменённую способность хотеть добра? Если эти значения не разделены, спор часто оказывается борьбой одинаковых слов с разным содержанием.

VII. Предопределение, знание и контроль

Вопрос о благодати легко соединяется с другим: если Бог знает будущее, может ли человек поступить иначе? Здесь важно не подменять знание причиной. Представление, что действие известно, и представление, что действующий принуждён, логически не совпадают. Но это различение само по себе ещё не решает весь вопрос о необходимости и альтернативных возможностях.

Далее возникает вопрос о божественном определении, который шире предвидения. Если Бог не только знает, но и действует как источник спасения, как описывать человеческое участие? Ответ зависит от понимания причинности, времени, природы воли и цели. Поэтому нельзя получить единую христианскую позицию, объединив несколько случайных фраз о судьбе.

Также нужно отличать богословское предопределение от переживания беспомощности. Человек может считать, что ничего не способен изменить, потому что сталкивается с реальным принуждением или нехваткой ресурсов. Это описание жизненного положения не подтверждает метафизику. Другой может деятельно жить внутри веры в божественный замысел. Его активность не опровергает автоматически веру.

В условном примере человек говорит: «Если всё зависит от Бога, я не буду возвращать долг». Этот вывод смешивает источник существования, спасение и конкретную обязанность. Ни обсуждение благодати, ни неизвестность будущего не отменяют обещание и его последствия. Для того чтобы избежать обязанности, нужен иной аргумент; духовная формула не выполняет эту работу.

Обратный пример: человек считает всякую неудачу доказательством личной недостаточности, поскольку «свободный всегда мог сделать лучше». Здесь свобода превращается в всесилие. Даже ответственный человек действует в обстоятельствах, которыми не управляет полностью. Признание границы контроля не равнозначно отказу от ответственности.

Содержательный итог этого разделения прост: спрашивать о том, что реально доступно, а не выводить каждую сегодняшнюю возможность из огромной метафизической формулы. Богословский спор сохраняет своё значение. Практический выбор требует также конкретного описания ситуации, участников и ограничений.

VIII. Дар нельзя измерить настроением или успехом

Одна из самых соблазнительных ошибок — считать благодать видимой по приятному состоянию или благополучному результату. Тогда успех подтверждает духовную правильность, а неудача становится свидетельством божественного отсутствия. Эта схема кажется ясной, но её ясность достигается ценой множества необоснованных выводов.

Католическое изложение прямо предостерегает от вывода об оправдании и спасении только на основании собственных чувств или дел. Катехизис, §2005. Это конкретная конфессиональная формулировка, но она помогает увидеть более общую проблему: человеческое состояние не является прозрачным измерителем сверхъестественного.

Условная сцена: после молитвы человек чувствует облегчение и считает его знаком, что должен принять рискованное решение. Облегчение действительно произошло как его переживание. Но содержание решения нуждается в собственной проверке. Можно быть спокойным и ошибаться; можно тревожиться и видеть проблему верно. Чувство и основание действия не тождественны.

Ещё важнее не проводить такую оценку над другими. Болезнь, бедность или сомнение не позволяют постороннему определить состояние благодати человека. Даже если традиция придаёт страданию духовное значение, конкретное значение не становится известным любому комментатору. Приписывание может ранить и закрыть доступ к обычной помощи.

Нельзя и использовать добрые дела как безошибочную ведомость. Поступки важны, но их перечень не открывает всей внутренней жизни. Человек может делать необходимое с противоречивыми мотивами и всё же приносить реальную пользу. Это не обесценивает поступок. Это ограничивает претензию судить по нему о полном религиозном положении действующего.

Для современного читателя полезнее обсуждать наблюдаемые последствия: выполнено ли обещание, уменьшился ли вред, появилась ли доступная возможность, услышан ли другой человек. Такие вопросы не измеряют спасение. Зато они поддерживают ответственную жизнь, не выдавая конечные человеческие сведения за знание о Божьем решении.

IX. Свидетельство, формула и действительная позиция

Есть и различие между богословской формулой и рассказом о собственной жизни. Когда человек говорит, что всё получил по благодати, он может выражать благодарность, вспоминать неожиданный поворот или признавать, что не считает себя единственным автором добра. Этот рассказ заслуживает внимательного слушания. Однако он не позволяет автоматически установить, какую теорию предопределения человек принимает. Свидетельство о помощи ещё не является трактатом о причинности, а благодарность не отменяет конкретных усилий, о которых рассказывающий мог просто не упомянуть.

Обратная ошибка возникает, когда различие школьных терминов превращают в обвинение собеседника. Один говорит «я должен сотрудничать», другой — «всё делает благодать». Прежде чем объявлять первого самоуверенным, а второго пассивным, нужно спросить, что каждый имеет в виду. Первый может считать свою способность ответить уже дарованной; второй может ежедневно заботиться о людях, не считая это основанием собственного спасения. Живые действия и точные уточнения часто показывают больше, чем спор двух фраз, вырванных из объяснения.

Это не устраняет догматических расхождений. Оно меняет порядок разговора: сначала выяснить действительное утверждение, затем сравнивать его с другим. Иначе можно добиться согласия ценой пустого общего слова или устроить конфликт между позициями, которых никто не занимал. Оба результата плохо служат истории идей. Для серьёзного сравнения важно услышать и то, что традиция утверждает, и то, какую ошибку она старается предотвратить: самоспасение, принуждение воли, бесплодную веру, торговлю заслугами или безответственный отказ действовать.

В повседневной речи это даёт довольно строгую дисциплину. Рассказ о благодати не следует применять для распределения людей на достойных и недостойных. Из трудности чужого пути нельзя выводить отсутствие Божьей помощи. Из удачного собственного пути нельзя выводить правильность каждого принятого решения. Если человек связывает случившееся с верой, можно уважать его объяснение, сохраняя право отдельно разбирать факты, последствия и ответственность. Благодарность становится глубже, когда ей не поручают роль доказательства, которого она выполнить не может.

X. Свобода, которая умеет принимать

История отношения благодати и свободы не заканчивается одной удачной серединой. Августин, Фома, православные, лютеранские, реформатские и уэслианские ответы имеют настоящие различия. Они обсуждают начало обращения, смысл ответа, источник доброго действия и возможность устойчивости. Если заменить их призывом «верить и стараться», исчезнет сам предмет спора.

Но внимательное чтение позволяет увидеть общее напряжение: человек отвечает, хотя не является независимым источником всего, чем отвечает. Для христианства эта зависимость относится к Богу и спасению. В обычной жизни ограниченная аналогия напоминает о языке, труде других, поддержке и условиях, без которых наш выбор не состоялся бы.

Признание полученного не уменьшает каждое действие до чужого управления. Признание действия не превращает жизнь в одиночную заслугу. Между этими крайностями можно обсуждать реальные возможности и ответственность, не объявляя, что богословский спор уже решён.

Человек может благодарить за помощь и честно сказать: «Это сделал я». Более трудная и более взрослая фраза добавляет: «Я сделал это с тем, что получил, и отвечаю за то, как этим воспользовался». Она не заменяет учение о благодати. Но она сохраняет человеческое пространство, в котором тема дара перестаёт быть оправданием гордости или бессилия и становится поводом внимательнее жить.

Что это значит на практике

Применение начинается с небольшой языковой проверки. Когда вы говорите «я должен справиться сам», что именно означает «сам»? Без чужой замены вашего решения? Без помощи вообще? Без признания собственной зависимости? Эти требования неодинаковы. Иногда человеку важно сохранить выбор, а он пытается сохранить полную изоляцию.

В условном примере человек совершил ошибку на работе. Ему предлагают помощь с исправлением, но он отказывается, считая, что иначе исправление не будет его заслугой. Полезно разделить ответственность за ошибку, помощь при исправлении и авторство следующего решения. Принять сведения или дополнительную пару рук не обязательно означает передать кому-то свою волю.

Обратная ситуация: человек получает поддержку и решает, что теперь помощник обязан обеспечить весь результат. Здесь дар превращается в требование. Поддержка может открыть возможность, но не контролирует автоматически ваше действие, обстоятельства

и других участников. Нужно уточнить, какая часть решения действительно остаётся вашей.

Для читателя христианских текстов возможна карта из трёх вопросов. Что автор считает даром? Что он называет человеческим ответом? Что он считает плодом ответа? Сравнивая Августина, Фому или Уэсли, полезно заполнять эту карту по текстам, а не по репутации школы. Затем стоит отдельно записать, в чём ответы расходятся. Разница не является недостатком сравнительного чтения; она составляет его результат.

Небольшой практический шаг может заключаться в принятии определённой помощи с ясными условиями или в выполнении обязанности, которую нельзя выполнить за вас. Не требуется религиозно назвать этот шаг благодатным. Его нужно описать и проверить обычным языком: что сделано, что осталось, какой результат замечен.

Если тема связана с верой, её можно продолжить в своей общине или в чтении конкретных богословских произведений. Статья не устанавливает духовный статус человека и не выбирает конфессию за него. Она помогает уменьшить смешение: помощь не всегда лишает свободы, усилие не всегда покупает принятие, а зависимость не даёт права отказываться от последствий своего поступка.

Ключевая цитата

> *«Дела исходят из веры».*

Августин, «О благодати и свободном произволении», глава 17, перевод NPNF; русский перевод авторов статьи. Короткий фрагмент касается порядка веры и дел. Он не отменяет человеческой воли: обе цитаты принадлежат одному трактату, который удерживает её вместе с первенством дара.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления. Они показывают сходство вопроса и границу ответа; сами по себе не устанавливают исторического влияния.

Вопрос	Позиции и опоры	Реальное сходство	Граница сравнения
Воля и необходимость помощи	Августин, главы 2–6 и Фома, I–II q109 a2, a6	Человеческое действие сохраняется при отрицании самодостаточного спасения.	Фома подробнее различает природное добро и сверхъестественную цель; одним поздним трактатом нельзя представить весь корпус Августина.
Ответ на предшествующий дар	Джон Брек, синергия и Уэсли, проповедь 85, III	Участие не понимается как покупка первоначального дара.	Православная и уэслианская разработки принадлежат разным богословским историям; сходство не устраняет отличий в учении о спасении.
Свобода и неподконтрольный исход	Вестминстерское исповедание, IX и Эпиктет, §1	Свобода не означает власть над всяким внешним событием.	Реформатский документ говорит о спасительном освобождении благодатью; Эпиктет — о собственном действии и суждении, а не христианском оправдании.
Добро без торговли результатом	Аугсбургское исповедание, VI и Гита, II.47–48	Действие можно оценивать без превращения его в цену желаемой награды.	Плоды веры и непривязанность к плоду действия решают разные религиозные задачи; карма-йога не лютеранская теория оправдания.
Различать шаги духовной работы	Фома, I–II q109 и SN 56.11	Наше сопоставление обращает внимание на различие цели, способности и требуемого действия.	Задачи четырёх истин и сверхъестественная цель Фомы не равнозначны; сутта не утверждает спасение благодатью Творца.

Первоисточники

• Катехизис Католической церкви. Grace, §§1996–2005: дар, предшествующая помощь, свободный ответ и предел выводов по чувствам.

• Августин. On Grace and Free Will, главы 2–6 и 17–20: воля, благодать, вера и дела.

• Фома Аквинский. Summa Theologiae I–II, q.109, a.2 и a.6: природное добро и необходимость благодати.

• John Breck. Salvation Is Indeed By Grace, Orthodox Church in America: синергия и аскетический ответ на дар.

• Аугсбургское исповедание, статьи IV–VI: оправдание и плоды веры.

• Вестминстерское исповедание, глава IX, в публикации Orthodox Presbyterian Church: свобода воли и спасительное действие благодати.

• John Wesley. On Working out our own Salvation, Sermon 85, II–III: предшествующая благодать и участие человека.

• Эпиктет. «Энхиридион», §§1, 5, перевод Elizabeth Carter: Собственное действие и суждение в отличие от внешних обстоятельств (§§1, 5); сопоставление оснований ответственности, без отождествления стоической и христианской цели.

• «Бхагавадгита», главы II–III, перевод Edwin Arnold, The Song Celestial, издание 1900: Действие без привязанности к плоду (II.47–48; III.4–9): сопоставление усилия и исхода; карма-йога не отождествляется с христианской благодатью.

• Dhammacakkappavattana Sutta, SN 56.11, перевод Ṭhānissaro Bhikkhu: Ранний буддийский текст о различающихся задачах пути; не учение о христианской благодати.

Теги

благодать, свобода, свободная воля, христианство, Августин, Фома Аквинский, синергия, соработничество, православие, католицизм, лютеранство, реформатская традиция, уэслианство, Джон Уэсли, оправдание, освящение, предшествующая благодать, предопределение, природное добро, сверхъестественная цель, дар, вера, добрые дела, ответственность, действие, причинность, помощь, карма-йога, стоицизм, сравнительное богословие

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.